

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/99(419)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-177-189>

Вооруженное вторжение в Россию китайских незаконных формирований в июле 1915 г. (неизвестные страницы истории Первой мировой войны)

© В.В. Синиченко

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Вступление в мировую войну Японии и начало ею военных действий против германских колоний в Тихом океане вызвали взрыв прогерманских настроений как у народа Китая, так и у части военных властей Китайской республики. Присоединение к Японии бывших частей Германской империи в Китае (Циндао), предъявление Токио Пекину 21 требования, направленного на закабаление и подчинения Китая Японией привели к тому, что китайские военные власти разрешили германским военным провести переговоры с руководителями банд (хунхузами) в зоне русско-китайской границы. При германском участии напротив Никольск-Уссурийска формировался отряд более чем из двух тысяч бойцов, целью которого было вторжение на территорию Приморья и освобождение германских и австрийских военнопленных, находившихся в лагерях для военнопленных, разрушение русских железнодорожных коммуникаций. Хунхузы предприняли вторжение в июле 1915 г. на территорию России. Однако китайские вооружённые формирования не дошли до лагеря военнопленных в Никольск-Уссурийске, захватили одну деревню (Зеньковку) и нанесли поражение русскому военному отряду, двинувшемуся на освобождение деревни. К сожалению, российским властям, несмотря на полученные агентурные данные, не удалось предупредить поход хунхузов, а также из-за ряда проблем в управлении имеющимися войсками организовать разгром и преследование.

Ключевые слова: жандармы, контрразведка, немцы, Дальний Восток, агент, дивизия, полк, оружие, военнопленные

Информация о статье: Дата поступления 10 июля 2019 г.; дата принятия к печати 12 августа 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Синиченко В.В. Вооруженное вторжение в Россию китайских незаконных формирований в июле 1915 г. (неизвестные страницы истории Первой мировой войны) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 177–189. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-177-189

Armed invasion of Chinese illegal formations in Russia in July 1915 (unknown pages of the history of the First World War)

© Vladimir V. Sinichenko

East-Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: Japan's entry into the World War caused an explosion of pro-German sentiments both in the people of China and in the military authorities of the Republic of China. The annexation of the former parts of the German Empire in China (Qingdao) to Japan, the presentation of Tokyo to Beijing 21 demands aimed at enslaving and subjugating China to Japan led to the fact that the Chinese military authorities allowed the German military to negotiate with the leaders of the gangs (Hunhuzes) in the Russian-Chinese zone boundaries. With German participation opposite Nikolsk-Ussuriysk, a detachment of more than two thousand fighters was formed, the purpose of which was to invade the territory of Primorye and liberate German and Austrian prisoners of war who were in prison camps as well as the destruction of Russian railway communications. Hunhuzes launched an invasion in July 1915 into the territory of Russia. However, the Chinese forces did not reach the prisoner of war camp in Nikolsk-Ussuriysk, captured one village (Zenkovka) and defeated a Russian military unit moving to liberate the village. Unfortu-

nately, in spite of the obtained intelligence data, the Russian authorities did not succeed in preventing the Hunghuz campaign, and because of a number of problems in the management of the available troops, they organized a rout and persecution.

Keywords: gendarmes, counterintelligence, Germans, Far East, agent, division, regiment, weapons, prisoners of war

Article info: Received July 10, 2019; accepted for publication August 12, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Sinichenko V.V. 2019. Armed invasion of Chinese illegal formations in Russia in July 1915 (unknown pages of the history of the First World War). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 177–189. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-177-189

Дальневосточный театр военных действий долгое время не был предметом пристального внимания отечественных и зарубежных историков. Однако в последние двадцать лет интерес к теме существенно возрос как у современных исследователей, публикующихся на Дальнем Востоке (Иконникова, 1996; Иконникова, 1999; Залесская, 2008; Качкин, 2013; Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны, 2016), так и в Сибири (Синиченко, Изаксон, 2016; Новиков, 2016; Позняк, 2018; Дацышен, 2019).

Очень популярна у исследователей тема присутствия военнопленных стран Центральных держав в Сибири и на Дальнем Востоке (Гордеев, 2002; Чашин, 2009; Вебер, Суржикова, 2014; Греков¹).

Отметим, что характер боевых действий на Дальнем Востоке во многом зависел от политики Китая. После начала Первой мировой войны в августе 1914 г. китайское правительство объявило о нейтралитете. Определить победителя в этой войне на первоначальном этапе было сложно. Но неожиданно для президента Китайской республики Юань Шикая активизировалась Япония, она объявила войну Германии и под этим предлогом напала

на германские концессии в провинции Шаньдун. Таким образом, Япония расширила свое присутствие на китайской земле. В январе 1915 г. Япония предъявила Китаю знаменитый ультиматум, который получил название «21 требование». Японцы, кроме всего прочего, требовали права на разработку полезных ископаемых в Маньчжурии, во Внутренней Монголии, а также в Центральном Китае; отказ Китая предоставлять свои порты другим иностранным державам; присутствия японской полиции и экономических советников в Северном Китае (Xu Guoqi, 2005. P. 98–105).

Китайский народ отреагировал на японскую оккупацию негативно. Это отношение перенеслось на союзников Японии, в частности России. На границе России и Китая возникли боевые столкновения между незаконными китайскими вооруженными формированиями – хунхузами и российскими войсками.

Отметим, что деятельность хунхузов в годы Первой мировой войны и использование китайских бандитов германской и японской разведкой получили определенное освещение в научной литературе. Прежде всего, изучали вопрос российские ученые, исследовавшие деятельность контрразведывательных отделений России, функционировавших в империи с 1908 г.

Прежде всего, стоит отметить работы А.А. Здановича и Б.А. Старкова, подробно исследовавших структуру и кадровый состав контрразведывательных подразделений России (Старков, 2006; Зданович, 2004).

Более подробное изучение истории детальности Иркутского контрразведывательного отделения (далее КРО) предпринял омский исследователь В.О. Зверев. Он отметил, что Иркутский военный

¹ Греков Н.В. Германские и австрийский военнопленные в Сибири (1914–1917) / Н.В. Греков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ah.milua.org/germany-and-austro-hungarian-pows-in-siberia-1914-1917> (дата обращения: 18.11.2016).

Grekov N.V. *Germanskije i avstrijskij voennoplenny`e v Sibiri (1914–1917)*. [German and Austrian prisoners of war in Siberia (1914–1917)]. / N.V. Greeks. [Electronic resource]. Access mode: <http://ah.milua.org/germany-and-austro-hungarian-pows-in-siberia-1914-1917> (accessed: November 18, 2016).

округ получил наименьшее количество сотрудников армейской разведки – 11 (в других местах по 25) и сокращенное финансирование. К примеру, если ассигнования на КРО Петербургского военного округа составляли 158 320 руб., то финансирование иркутской контрразведки равнялось 108 520 руб. (Зверев, 2008. С. 71).

Вообще вопрос об эффективности деятельности российской контрразведки на востоке страны является дискуссионным. Так, Н.С. Кирмель говорил о низкой продуктивности контрразведки из-за ведомственных противоречий между жандармским управлением и КРО. Так, по мнению ученого, начальники КРО в своих требованиях к начальникам ГЖУ и охранных отделений о проведении совместных оперативно-розыскных мероприятий не считали нужным посвящать последних в суть дела (Кирмель, 2000²; Кирмель, 2001).

Исследователь Н.В. Греков в работе «Русская контрразведка в 1505–1917 гг. Шпиономания и реальные проблемы» отмечал, что размеры германского и австрийского шпионажа на территории России были преувеличены, а поэтому «было бесполезно ожидать ликвидации агентурных сетей противника в Сибири, где их, вероятно, вовсе и не было» (Греков, 2000. С. 112).

В то же время в некоторых современных исследованиях не признают выводы предшественников и пишут об «эффективной и плодотворной работе» жандармов и контрразведчиков в годы Первой мировой войны (Федорова, Степанов, 2017. С. 142). В своей статье Т.В. Федорова и А.В. Степанов, оценивая контрразведывательную деятельность особого отдела Иркутского губернского жандармского управления, к сожалению, использовали в основном документы фонда 600 Государственного архива Иркутской области. Эти ведомственные материалы Иркутского губернского жан-

дармского управления, безусловно, рисовали страшную картину китайского и японского шпионажа, а в годы Первой мировой войны – бурной германской разведывательной деятельности в российском глубоком тылу с использованием китайских, греческих и даже американских агентов Берлина. Однако представляется, что их иллюстрация без анализа иностранной литературы и источников, сведений из других архивохранилищ, привела вышеназванных исследователей к однобоким и не всегда правильным выводам.

Очевидно, что в конце XIX в. на Востоке России шпионаж среди китайских иммигрантов не носил явного характера. Постоянно проживающее на территории России китайское население, конечно, не отличалось особо контактными поведением по отношению к русским поселенцам, жило обособлено, ограничиваясь пределами общины или профессиональных объединений. Однако факты диверсионных выпадов: перестрелки в приграничных районах во время «боксерского восстания» 1900 г., к примеру, обстрел Благовещенска, носили не постоянный, а единичный характер. Ситуация менялась только в годы войны, когда появлялся «заказчик» на проведение разведывательных и диверсионных мероприятий.

Так, в годы Русско-японской войны японское командование впервые стало использовать китайцев и корейцев. Как пишет А. Вотинов, китайцы и корейцы давали согласие сотрудничать с японцами, за что те платили им от 1 до 3 руб. за каждый переход через границу (Вотинов, 1939. С. 10).

Японские спецслужбы также активно использовали в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. для диверсий в русском тылу маньчжурских разбойников-хунхузов, предводители которых получали солидное материальное вознаграждение. Главными объектами хунхузов становились русские тыловые транспортеры с продовольствием, военным снаряжением и амуницией. Нередко они нападали на небольшие гарнизоны, портили полотна дорог и выводили из строя телеграф (Старков, 2006. С. 129).

Впоследствии практика использования китайских и корейских агентов у японцев сохранилась.

² Кирмель Н.С. Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири, 1906–1917 гг. : дис... канд. истор. наук : 07.00.02. Иркутск, 2000. 211 с.
Kirmel` N.S. Organization of Russian counterintelligence and her struggle with Japanese and German espionage in Siberia, 1906–1917: diss.... Cand. of historical Sciences: 07.00.02. Irkutsk, 2000. 211 p.

Однако отметим, что фактами масштабного японского шпионажа ни Департамент полиции, ни жандармы, ни контрразведывательное отделение, не располагали. Более того, число задержанных за японский шпионаж не соответствовало числу осужденных. К примеру, за период с 1908 по 1911 гг. Иркутским и Владивостокским КРО было зарегистрировано 46 подозреваемых в шпионаже, но ни одно дело не дошло до суда (Греков, 2000. С. 139).

Лиц, подозреваемых в шпионаже, арестовывали и высылали в административном порядке из страны. При этом улики чаще всего были настолько незначительны или собраны в недостаточном количестве, что, в случае возбуждения уголовного преследования, дело прекращалось или обвиняемых оправдывали.

Так, согласно донесению начальника Читинского охранного отделения, в начале ноября 1909 г. были получены сведения, что в г. Чите в японском магазине «Восходящее Солнце» служащие магазина Теракава, Тераяма и Нэдзу замечены в шпионской деятельности и контактах с японскими военными, посещающими Забайкалье. Теракава, Тераяма и Нэдзу заключены под стражу в Читинскую тюрьму. Но прокурором Читинского окружного суда на имя прокурора Иркутской палаты было направлено представление о недостаточности собранных улик, вследствие чего дело против японских подданных было прекращено (Государственный архив Иркутской области г. Иркутск (ГАИО). Ф. 245. Оп. 1. Д. 793. Л. 10).

В годы Первой мировой войны японским опытом решила воспользоваться Германия. Она не жалела денег на организацию в тылу России диверсионных групп с целью освобождения немецких военнопленных и уничтожения военного снаряжения. Наибольшую опасность для российской контрразведки и жандармерии представляли банды хунхузов. (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 200. Л. 5).

Опасения диктовались явно антироссийскими настроениями части германского генералитета. Так, в разведывательном донесении в штаб Иркутского военного округа от 26 июля 1914 г. подчеркивалось, что Германия потребовала от правительства Китая в случае войны с Россией немедленно

предпринять шаги к захвату Китайской Восточной железной дороги. Германия обещала полную поддержку Китаю в войне (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 192. Л. 322).

Пекинское правительство экстренно созвало всех представителей военных ведомств для обсуждения этого вопроса. Некоторые командиры войск разделяли планы Германии (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 192. Л. 323).

9 августа 1914 г. поверенный в делах в Пекине направил в МИД секретную телеграмму о том, что Приамурский генерал-губернатор сообщил о нескольких случаях грабежей и убийств, произведенных хунхузами в пограничной с Китаем Приморской области. Генерал-губернатор считал необходимым предъявить китайскому правительству категорический протест относительно действий хунхузов, чтобы заставить его «очистить от разбойников пограничные районы».

Однако поверенный В.В. Граве считал совершенно невозможным делать какие-либо представления китайскому правительству, «обнаруживая тем самым слабую защищенность нашей границы». К тому же это представлялось бесцельным, ибо «китайское правительство при теперешних обстоятельствах бессильно сладить с хунхузами в Маньчжурии».

В.В. Граве считал необходимым принять энергичные меры по борьбе с разбойниками, не стесняясь при преследовании переходить границу (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 192. Л. 3).

В результате борьба с бандами хунхузов на территории в приграничной зоне ложилась на плечи местных властей и правоохранительных органов.

Агентурой охранного отделения под руководством ротмистра Бабина по вопросу приобретения оружия в г. Никольске-Уссурийском в ноябре 1914 г. был обнаружен китаец-разведчик, входивший в контакт с неким неизвестным, на квартире которого должна была состояться встреча с одним из главарей хунхузов «старшиной». Выступление хунхузов намечалось к празднику Рождества Христова (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 841. Л. 13).

С помощью китайца-разведчика удалось узнать, что упомянутый неизвестный имел свидание с двумя предводителями хунхузов. По их словам, контактировавший с ними немец – некто фон Крафт.

Отдельного корпуса жандармов ротмистр Бабин в спецтелеграмме № 51 сообщал руководству, что в окрестности станции Пограничной КВЖД часто появлялся немец – некто Крафт, вошедший в связь с главарями хунхузских шаек, занимавшихся до сего времени грабежами среди китайского и корейского населения. Немецкий офицер уговаривал главарей хунхузов осуществить вторжение в Россию с целью освобождения военнопленных, находящихся в лагерях Дальнего Востока России (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (г. Владивосток) (РГИА ДВ). Ф. 511 сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 33).

Хунхузы же вели с фон Крафтом двойную игру, давая на все обещания, выманивали у него деньги. Чтобы показать свою активность, они усилили на границе Амура грабежи среди мирного населения (рис. 1). Между тем решили не выступать против России и от дела освобождения военнопленных отказаться (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 841. Л. 25).

Начальник Владивостокского КРО, отдельного корпуса жандармов ротмистр Немысский 2 января 1915 г. в отношении № 7, отмечал такие же проблемы в Приморье: «По полученным негласным сведениям, полторы недели тому назад из китайского села Вэ-Фао-Цзы выступила шайка хунхузов в количестве около 1000 человек и направилась к северу от города Ми-Шань-Фу, что на западном берегу озера Ханка. Другая шайка в количестве около 1500 человек находится в городе Сан-Ча-Гоу и его окрестностях (То-Гу-Ланцза). В селе На-Цзе-Гоу, что приблизительно в 25 верстах от города Сань-Ча-Гоу собирается третья шайка, которая по предположению, будет состоять исключительно из корейцев.

По тем же сведениям, главным руководителем означенных шаек является китаец Ю Дебун, находящийся в настоящее время в городе Сань-Ча-Гоу, будто бы подкупленный немцами и получающий деньги для организации шаек и снабжения их всем необходимым из германо-китайского банка. Помощником Ю Дебуна по обучению военному делу шаек хунхузов являются германские офицеры. По слухам, активные выступления против русских отложены в виду трудности таковых в зимнее вре-

Рис. 1. Фотография осмотра места происшествия, где действовали хунхузы
Fig. 1. Photograph of inspection of the scene, where hunghutz acted

мя, недостаточности провианта для таких больших отрядов, а также ввиду принятия русскими властями мер противодействия» (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 10).

8 января 1915 г. Немысский сообщал в штаб Иркутского губернского жандармского управления: «Получено от агентуры в Гирине от 22 декабря донесение следующего содержания: «По сведениям командиром 92-го полка, проживающим в А-Чэнь-Сянье, получено предписание от командира 23-й дивизии, сообщающее о донесении жандармского управления в Чаньчуне о дошедших слухах, указывающих на организацию германским подданным Фу Дэньманом шаек хунхузов из шайки «Я дунь дэнь», имеющей целью порчу русской железной дороги, а также при посредстве особого химического вещества – железнодорожных мостов около Лао-ша-гоу и Харбина. С той же целью отправлены хунхузы в уезды Дунь-нинсян и Нинань-сян (Нингута)» (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 50).

В разведывательном донесении из Мукдена в штаб Приамурского военного округа от 7 марта 1915 г. говорилось, что китайская военная организация на 500 человек требовала от германцев денег, оружия и продовольствия. 29 марта сообщили, что китайцы предъявили немецким спонсорам ультиматум, если их не профинансируют в должном отношении, они будут грабить местное китайское население и будут потеряны для германской организации (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 398).

В разведывательном донесении от 1 апреля 1915 г. говорилось, что после того, как японские и российские дипломатические лица заявили китайскому правительству протест на деятельность германских дипломатов в Китае, китайские власти стали преследовать хунхузские шайки. Чжан Сифань, организатор китайских банд, был вынужден уехать из Мукдена. Немцы же были не довольны тем, что затратили крупные суммы на организацию военных отрядов хунхузов, но безрезультатно (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 398).

Несмотря на эти данные разведки, вскоре произошло вооруженное вторжение на территорию России китайских незаконных воинских формирований.

Так, 8 июля 1915 г. начальник Иркутского губернского жандармского управления телеграммой сообщал в Петроград: «4 июля 1915 г. в р-не Никольск-Уссурийский совершено нападение хунхузов село Зеньковку ограблены китайские магазины при преследовании убито три казака, полицейский урядник, два крестьянина, ранен один крестьянин. Хунхузов убито трое. Донесение почтой» (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 101).

9 июля 1915 Никольск-Уссурийское жандармское отделение в лице его начальника – ротмистра Посникова донесло ротмистру Немысскому во Владивосток, что по полученным сведениям за последнее время в Никольск-Уссурийске китайцами производилась усиленная скупка оружия и боевых 3-х линейных патронов для снабжения ими хунхузского отряда, находящегося в окрестностях маньчжурского города Санчагоу. Цель этого отряда состояла в нападении на г. Никольск-Уссурийский с целью освобождения военнопленных, для этой цели через реку Суйфунь строился мост. В отряде этом находились германские офицеры, которые руководили планируемой операцией. По сообщению начальника Никольск-Уссурийского жандармского отделения: «Патронами снабжаются не только хунхузский отряд, но и находящиеся в Никольск-Уссурийске военнопленные, что может подтвердить факт обыска, у военнопленных произведенный надлежащим военным начальством, которым были найдены патроны. Как на подозрительное лицо, скупающее патроны, агентура указала на одного китайца с отрубленными пальцами, который под видом старьевщика занимается означенным тайным промыслом и что этот китаец проживает на углу Муравьевской и Занадворовской улиц в фанзе огородника-китайца. Для обнаружения подозрительного китайца мною совместно с полицией был произведен в указанном агентурой месте обыск, не давший пока положительных результатов, но, тем не менее, через допросы проживающих в фанзе огородника китайцев было установлено, что китаец с отрубленными пальцами проживал временно в фанзе, но накануне обыска ушел неизвестно куда, почему для обнаружения его направлена агентура

и установлено наблюдение» (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 102).

В качестве грозного предупреждения, жандарм считал следующий факт. В конце июня 1915 г. жандармы на Сенной площади Никольск-Уссурийска, где происходит торговля местными торговцами разных поддержанных вещей нашли солдатский башлык, в котором были завязаны патроны для трехлинейной винтовки русского образца (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 102.).

Факт нахождения означенных патронов, по мнению ротмистра Посникова, служил доказательством того, «...что хранение патронов в частях происходит небрежно и без всякого контроля и нижним чинам не внушено подлежащим начальством об ответственности по закону за продажу оружия и патронов в настоящее переживаемое Россией время» (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 103).

10 июля 1915 г. ротмистр Посников представил обещанный подробный доклад о событиях в районе села Зеньковки.

5-го июля 1915 г. им было получено сообщение от пристава Спаского стана Иманского уезда о том, что 4 июля вечером на село Зеньковку, находящееся в 2-х верстах от станции Свягино Уссурийской железной дороги, совершено разбойное нападение хунхузов. Получив это сообщение, жандарм одновременно с товарищем прокурора Владивостокского окружного суда по Никольск-Уссурийскому участку с первым отходящим поездом выехал к месту происшествия, дабы на месте выяснить подробности нападения. Прибыв на станцию Свягино в час ночи, он немедленно приступил к выяснению обстоятельств разбойного нападения, причем обнаружилось следующее: ночью, около 23:30, в селе Зеньковка одновременно в нескольких пунктах улицы стали раздаваться учащенные выстрелы. Разбуженные неожиданной стрельбой крестьяне стали выбегать из домов, но ввиду того что пули летели по всем направлениям улиц – принуждены были скрыться. Наиболее смелые два крестьянина – Подолько и Нестреляй, вооружившись винтовками, стали стрелять. На произведенные Подолько и Нестреляем выстрелы, хунхузы ответили залпом, которым Подолько был ра-

нен в ногу разрывной пулей. Означенные крестьяне видели, что шайка хунхузов разбилась на несколько групп по 2–3 человека, из коих одни производили стрельбу, а другие начали громить китайские лавки. Стрельба и разгром китайских лавок продолжалась в течение двух часов. Когда стрельба совсем затихла, то выяснилось, что ограблено четыре китайских лавки, из которых было унесено около 1000 руб. и на 600 руб. товаров и, кроме того, хунхузы увели с собой 9 заложников-китайцев.

Как только началась стрельба в селе Зеньковке, со станции Свягино в село Спасское немедленно дана была телеграмма о высылке воинского отряда. Около 2 часов ночи прибыл отряд в составе 1 офицера – зауряд-прапорщика Ушакова и 52 нижних чина.

Отряд хунхузов до прибытия отряда успел отойти на железнодорожную ветку казенного лесопильного завода. Начальник отряда отделил 12 нижних чинов и с приставом Спаского стана Порнеком отправил их в село Зеньковку, а с остальной частью (40 солдат) направился на лесопильный завод. Пройдя по ветке 8 верст, отрядом был встречен товарный поезд, перевозивший из тайги бревна на завод, которым зауряд-прапорщик Ушаков воспользовался для дальнейшего преследования. Отряд хунхузов разбился на две части, из которых одна с заложниками и награбленной добычей углубилась в тайгу, а другая – пошла по линии железной дороги. На 15 версте хунхузы, увидев преследовавший их русский отряд, залегли в засаду в кустах, а несколько человек пошли по линии ветки. Прапорщик Ушаков, увидев удаляющихся хунхузов, высадил отряд и двинул его вдоль ветки. Хунхузы, находящиеся в засаде, пропустив мимо себя отряд, дали залп, которым были убиты 1 солдат и 1 полицейский стражник Омельченко и ранено тяжело 2 солдата, которые впоследствии на станции скончались. Прапорщик Ушаков, введенный в заблуждение обстановкой и думая что он со своим отрядом очутился между двумя отрядами хунхузов, распорядился подобрать убитых и раненых садиться в вагоны, чтобы ехать на станцию за подкреплением. Потери российских солдат были бы еще больше и разгром сильнее, если бы их во

время перестрелки не поддержали вооруженные крестьяне-ополченцы, которые пришли на выручку, но они также в перестрелке с хунхузами потеряли двух человек убитыми. Возвратившись на станцию, отряд Ушакова соединился с подошедшим отрядом 306 ополченческой дружины в составе 110 человек под командованием зауряд-капитана Травинского. Не зная численности хунхузов, Травинский соорудил блиндированный поезд (имеющиеся вагоны заложили двойным рядом

Рис. 2. Бой казаков Уссурийского казачьего войска и хунхузов

Fig. 2. Battle of Cossacks of the Ussuri Cossack Army and hunghutz

шпал) и выслал дозоры в разведку. Руководители сводного отряда решили укрепиться на станции Свягино, где и стали строить баррикады, на что было потрачено около трех часов (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 105) (рис. 2).

Около двух часов ночи 6 июля к отряду прибыл ротмистр Посников и исполняющий должность Иманского уездного начальника Филиппов. Обсудив обстановку для дальнейших действий, они отправились по железнодорожной ветке. На 38 версте Филиппов узнал, что шайка хунхузов ночевала на 32 версте в бараках китайских рабочих, вернулся туда и указал зауряд-капитану Травинскому двинуться в сопки. Начальник отряда, рассыпав цепь и выставив дозоры, отправился в сопки. Через три часа отряд вернулся безрезультатно. Таким образом, потери в среде гражданского населения и российских войск и успешный отход хунхузов стали возможны из-за нераспорядительности командиров – Травинского и Ушакова (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 106) (рис. 3).

Известие о дерзком марше хунхузов озадачило власти.

Рис. 3. Партия хунхузов в засаде на берегу реки Ляо-хэ

Fig. 3. Party of hunghutz in ambush on the banks of the river Liao-Ho

Департамент полиции 13 июля 1915 г. за № 171269 уведомил все подразделения полиции и жандармерии, что состоялось постановление Совета Министров о разрешении найма рабочих-китайцев на работы в Сибири и Восточной России до меридиана реки Волги. Однако вследствие вскрывшихся обстоятельств, связанных с политической ненадежностью китайцев, возможностью проникновения в ряды рабочих хунхузов, Департамент полиции приказал в случае прибытия рабочих-китайцев во вверенный надзору тех или иных подразделений район «...установить тщательное наблюдение в целях пресечения с их стороны шпионской деятельности и, при попытках их к такой, подвергать виновных немедленному аресту с возбуждением о них охранных переписок с целью последующей высылки их, как порочных иностранцев, из пределов Империи, сообщая о каждом случае подлежащему Штабу военного округа и донося Департаменту» (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 186) (рис. 4).

Жандармы начали пристально следить за всеми китайцами.

Отдельного корпуса жандармов ротмистр Немысский 24 июля 1915 г. доносил в Иркутск, что по полученным им негласным сведениям, проживав-

Рис. 4. Связанные российской полицией за косы китайские преступники-хунхузы. Такая мера использовалась еще маньчжурами для предупреждения побегов китайцев

Fig. 4. Tied by Russian police for braids Chinese criminals hunghutz. This measure was also used by the Manchus to prevent Chinese escapes

ший в г. Никольск-Уссурийском в китайской лавочке, на углу Муравьевской и Корсаковской улице (рядом с дешевой столовой) китаец-коммерсант якобы покупал ружья по 35 руб., а револьверы по 20 руб. Скупленное оружие передавалось в Санчагоу, причем названный китаец, как торговец спиртом, выезжал для скупки оружия в Спасское, Раздольное, Шкотово и др. места и, будто бы, имел среди таможенного надзора своих людей, которые свободно его пропускали со спиртом и оружием.

При проверке сведений выяснено, что по Муравьево-Амурской улице Никольск-Уссурийска, рядом с имеющейся на углу дешевой столовой, находились три китайские мелочные лавочки, а именно: в доме № 2 и № 4, причем содержателями их являлись следующие китайцы: в доме № 2 – Ван Дянчен и Ван Дянфа; в доме № 4 – Сюй Дзилунь, Чжан Гуафу. Причем означенные китайцы, как негласно было установлено, действительно занимались скупкой оружия и продажей спирта. Они имели связь, с какими-то китайцами, которые доставляли им контрабандный спирт, и возможно, обменивали его на оружие. Китайцы были арестованы (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 136) (рис. 5, 6).

28 июля 1915 г. Немысский в донесении № 3088 в Иркутск уведомлял руководство: «Старший адъютант Военно-статистического отделения Штаба Приамурского военного округа сношением от 23 июля за № 395 сообщил нижеследующее: «Сообщая для сведения, что мною получены агентурные сведения о намерениях немцев в отношении всех военнопленных Приамурья. Находящиеся в Китае немцы стараются сорганизовать большую шайку хунхузов, имея в данное время отряд около 2000 человек, и вооружив ее, освободить всех пленных в Приамурском крае. На организацию шайки немцы средств не жалеют. В предупреждении арестов беглых немецких военнопленных в Китае, по дипломатическим каналам сообщено, что шайка (формируется) в Китае вблизи г. Никольск-Уссурийского» (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 144).

Было выяснено, что на китайской территории вблизи города Санчагоу на средства германцев еще в 1914 г. был сформирован хунхузский отряд

Рис. 5. Китайские преступники, привязанные к столбам в камерах временного содержания
Fig. 5. Chinese criminals tied to poles in holding cells

Рис. 6. Арестованные казаками бродяги-китайцы
Fig. 6. The tramp-Chinese arrested by Cossacks

Рис. 7. Хунхузы в игровом притоне – «Банковке»
Fig. 7. Hunghutz in the gambling den, the "Banking"

численность в 2,5 тыс. хорошо вооруженных бойцов. Руководители хунхузов под всевозможными предложениями выманивали у немцев деньги, пока последние, то есть германцы, не прекратили выдачу им средств на жизнь (рис. 7).

Такое безвыходное положение и надежда на приобретение вновь доверия от германцев заставили предводителей хунхузских шаяк, в целях грабежа, агрессивно выступить против России и вторгнуться на ее территорию. Первоначально это вылилось в нападение хунхузской шайки на село Зеньковку в Никольск-Уссурийском уезде, но планировались нападения хунхузов и в будущем, причем более угрожаемым пунктом являлся близко находящийся от границы с Китаем город Никольск-Уссурийский, где сосредоточены были более 25 000 военнопленных (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 157).

После этой информации военнопленных из лагерей, расположенных на Дальнем Востоке, стали переводить в центральную часть страны. Повидимому, получив эту информацию, германская разведка свернула финансирование хунхузов.

Фон Крафт по данным разведки узнав о переводе всех пленных офицеров из города Никольск-Уссурийского (ныне г. Уссурийск Приморского края) на ст. Красная речка около Хабаровска, «был этим опечален» и затем отозван из Маньчжурии в резидентуру – в Пекин. Во многом такое решение было вызвано и позицией китайских властей. Опасаясь развязывания военного конфликта, президент Китая Юань Шикай приказал вооруженным силам республики принять меры по роспуску незаконных вооруженных формирований в зоне русско-китайской границы и ликвидации банд (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 40–41).

Так, приказ о борьбе с хунхузами в приграничной зоне был отдан командиру 23-й дивизии Китайской республики (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 50).

Таким образом, германская операция по втягиванию хунхузов к широкомасштабному вторжению в Россию была свернута и дальнейшего вторжения крупных отрядов хунхузов в Россию не случилось.

Библиографический список

Вебер М.И., Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны на Востоке России: взгляд Йохана Принца // Диалог со временем. 2014. № 47. С. 340–361.

Вотинов А. Японский шпионаж в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.: Воениздат НКО СССР, 1939. 72 с.

Гордеев О. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.): историко-правовые аспекты проблемы // Актуальные вопросы теории и истории государства и права: сб. ст. / отв. ред. С.А. Дробышевский. Красноярск: Универс, 2002. С. 30–62.

Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: Московский общественный научный фонд; Издательский центр научных и учебных программ, 2000. 209 с.

Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. ст. Владивосток: Рея, 2016. 296 с.

Дацышен В.Г. Итальянский гарнизон в Красноярске. Из истории Гражданской войны в Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 186–195.

Залеская О.В. Россия и Китай на Дальнем Востоке в 1911–1949 гг.: геополитическое взаимодействие наций и государственных образований // Молодые ученые СГА. М., 2008. С. 28–34.

Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу в Санкт-Петербурге накануне Первой мировой войны: монография / В.О. Зверев, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Омская академия МВД России. Омск : изд-во Омской академии МВД России, 2008. 167 с.

Зданович А.А. Отечественная контрразведка 1914–1920. Организационное строительство. М.: Крафт+, 2004. 239 с.

Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск: Изд-во ХГПИ, 1999. 366 с.

Иконникова Т.Я. Иностранная разведка в Приамурском крае в годы Первой мировой войны // Известия РГИА ДВ. 1996. Т. 1. С. 88–100.

Качкин А.Н. Борьба со шпионажем на Дальнем Востоке: Хабаровское контрразведывательное отделение и его руководители (1911–1917 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 3. С. 167–174.

Кирмель Н.С. «...японские прачки и парикмахеры открыли... много магазинов с целью конспирации шпионской деятельности» // Военно-исторический журнал. 2001. № 3. С. 54–59.

References

Veber M.I., Surzhikova N.V. 2014. Prisoners of war of the First World War in the East of Russia: view of Johan Prince. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]. No. 47. Pp. 340–361. (In Russ.)

Votinov A. 1939. Japanese espionage in the Russian-Japanese War of 1904–1905. Moscow: Voениzdat NKO SSSR. 72 p. (In Russ.)

Gordeev O. 2002. Prisoners of war of the First World War in Siberia (August 1914 – February 1917): historical and legal aspects of the problem. *Aktual'ny'e voprosy` teorii i istorii gosudarstva i prava* [Actual problems of the theory and history of state and law. Sat. St.]. Krasnoyarsk: Univers. Pp. 30–62. (In Russ.)

Grekov N.V. 2000. Russian counterintelligence in the years 1905–1917: the spy and the real problems. Moscow: Moscow public scientific Fund; LLC "Publishing center of scientific and educational programs". 209 p. (In Russ.)

2016. The Far East of Russia and East Asia on the eve and during the First World War. Sat. St. Vladivostok: Publishing house "Ray". 296 p. (In Russ.)

Dacyshen V.G. 2019. The Italian garrison in Krasnoyarsk. From the history of the Civil War in Siberia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh texnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Vol. 15. No. 2. Pp. 186–195. (In Russ.)

Zalenskaya O.V. 2008. Russia and China in the Far East in 1911–1949. Geopolitical interaction of nations and state entities. Young scientists of the SGA. Moscow. Pp. 28–34. (In Russ.)

Zverev V.O. 2008. Opposition to German military-industrial espionage in St. Petersburg on the eve of World War I. Monograph. Omsk: Izd-vo Omskoi akademii MVD Rossii. 167 p. (In Russ.)

Zdanovich A.A. 2004. Domestic counterintelligence 1914–1920. Organizational construction. Moscow: Kraft+. 239 p. (In Russ.)

Ikonnikova T.Y. 1999. Rear far East of Russia during the First World War. Khabarovsk: Publishing house of HGPI. 366 p. (In Russ.)

Ikonnikova T.Y. 1996. Foreign intelligence in the Amur region during the First World War. *Izvestiya RGIА DV* [Izvestiya RGHА FE]. Vol.1. Pp. 88–100. (In Russ.)

Kachkin A.N. 2013. Fight against espionage in the Far East: Khabarovsk counterintelligence Department and its leaders (1911–1917). *Social'ny'e i gumanitarny'e nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and humanitarian Sciences in the Far East]. No. 3. Pp. 167–174. (In Russ.)

Kirmel` N.S. 2001. "...Japanese laundresses and the barbers opened... many stores for the purpose of conspiracy espionage". *Voенno-istoricheskij zhurnal* [Military History Magazine]. No. 3. Pp. 54–59. (In Russ.)

Новиков П.А. Полки из Иркутска в боях Первой мировой войны: 7-я и 12-я Сибирские стрелковые дивизии в 1914–1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 1 (18). С. 63–72.

Позняк Т.З. Беженцы во Владивостоке от Первой мировой до гражданской войны: проблемы выживания и общественного призрения // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 193–205.

Синиченко В.В., Изаксон Р.А. Монгольский вопрос в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Иркутской области) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 134–137.

Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб.: Питер, 2006. 306 с.

Федорова Т.В., Степанов А.В. Контрразведывательная деятельность особого отдела Иркутского губернского жандармского управления во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 134–144.

Чашин А. Военнопленные Первой мировой войны в Сретенске // Сретенский район: история и современность: сб. ст. и материалов. 2-е изд. Чита: Экспресс-издательство, 2009. С. 123–160.

Xu Guoqi. Great War. China's Pursuit of a New National Identity and Internationalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 316 p.

Сведения об авторе

Синиченко Владимир Викторович,
доктор исторических наук, профессор,
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин,
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»,
Россия, 664071, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110,
e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Критерии авторства

В.В. Синиченко выполнил исследовательскую работу. На основании полученных результатов провел обобщения, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Novikov P.A. 2016. Regiments from Irkutsk in the battles of World War I: 7th and 12th Siberian rifle divisions in 1914–1917. *Izvestiya Laboratorii drevnikh texnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. No. 1 (18). Pp. 63–72. (In Russ.)

Poznyak T.Z. 2018. Refugees in Vladivostok from the First World to the Civil War: problems of survival and social care. *Izvestiya Laboratorii drevnikh texnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Vol. 14. No. 2. Pp. 193–205. (In Russ.)

Sinichenko V.V., Isakson R.A. 2016. The Mongolian Question during the First World War (based on the State Archive of the Irkutsk Region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 408. Pp. 134–137. (In Russ.)

Starkov B.A. 2006. Spy hunters. Counterintelligence of the Russian Empire 1903–1914. St. Petersburg: Peter. 306 p. (In Russ.)

Fedorova T.V., Stepanov A.V. 2017. Counterintelligence activities of the special Department of the Irkutsk provincial gendarme Department in the second half of the XIX – early XX centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh texnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory] Vol. 13. No. 4. P. 134–144. (In Russ.)

Chashhin A. 2009. Prisoners of war of the First World War in Sretensk. Sretensky area: history and modernity: collection of articles and materials. Chita: Express Publishing House. Pp. 123–160. (In Russ.)

Xu Guoqi. Great War. China's Pursuit of a New National Identity and Internationalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 316 p.

Information about the author

Vladimir V. Sinichenko,
Dr. Sci. (History), Professor,
Head of the Department of civil law disciplines,
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
110 Lermontov Str., Irkutsk 664071, Russian Federation,
e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Attribution criteria

V.V. Sinichenko made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.